Чернова М.

к.філол.н., доц., Могильовський університет імені А.А.Кулешова (Республіка Білорусь)

Chernova M.

PhD., docent, Mogilev State A.A. Kuleshov University (Republic of Belarus)

**Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И Н.С. ЛЕСКОВ
О НАРОДНОМ ИДЕАЛЕ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ
И ОТТАЛКИВАНИЯ**

**F.M. DOSTOEVSKY AND N.S. LESKOV ABOUT THE
NATIONAL IDEAL: POINTS OF CONTIGUITY AND ALIANATE**

У статті аналізуються основні етапи ідейної розбіжності Ф.М. Достоевського і Н.С. Лєскова з питання про народний ідеал і православ'я і відзначаються принципові відмінності в їхньому відношенні до народу і народної віри, що виключає можливість світоглядного і творчого зближення.

У статті підкреслюється, що усталена в другій половині XIX ст. центральною в російській художній літературі, критиці і публіцистиці проблема народності була предметом не тільки естетичних, але, в першу чергу, ідеологічних дискусій, в яких активну участь брали Ф.М. Достоевський і Н.С. Лєсков.

Цих письменників об'єднував інтерес до життя російського народу і розуміння народного ідеалу. Обидва письменники визнавали подвійність російського характеру, химерно поєднував добре і зле, гріховне і праведне. Однак Достоевський вірив, що російський народ ніколи не прийме «свого гріха за правду», і обумовлював народну віру ідеалом релігійним, Лєсков же називав російський народ єретиком, а його моральне свідомість пов'язував з потребою в богопізнання.

Якщо народний ідеал представлявся Достоевському ґрунтом, на основі якої можливо об'єднати всю націю, то Лєсков, навпаки, був далекий від того, щоб шукати в народному житті втілення вищих морально-релігійних цінностей.

Крім того, серйозною підставою для ідейних, а пізніше й особистих, розбіжностей Достоевського і Лєскова стали розбіжності у ставленні до офіційного православ'я і православної церкви. Але якщо для автора «Братів Карамазових» церковні традиції і релігійно-містичне значення «руської віри» завжди мали визначальний сенс, то Лєсков, в кінцевому підсумку, прийшов до проповіді позаконфесійного християнства і ідеї особистого праведництва.

У статті доводиться, що ідеологічні відмінності в трактуванні народності були

головною причиною не тільки відсутності діалогу між письменниками, а й взаємного неприйняття творчості один одного.

Ключові слова: Ф.М. Достоевський, Н.С. Лєсков, російська література, народність, народний ідеал, світогляд письменника

The article deals with the main stages of the ideological divergence of F.M. Dostoevsky and N.S. Leskov on the question of the national ideal and Orthodoxy, noted the fundamental differences in their attitude to the people and the people's faith, which excludes the possibility of ideological and creative convergences.

The article emphasizes that the problem of nationality has become central to Russian literature, criticism and journalism. In the second half of the XIX century it was the subject of not only aesthetic, but, primarily, ideological discussions, in which F.M. Dostoevsky and N.S. Leskov took an active part.

These writers were united by an interest in the life of the Russian people and the comprehension of the national ideal. Both writers recognized the duality of the Russian character, which combined bizarrely the good and the evil, the sinful and the righteous. However, Dostoevsky believed that the Russian people would never accept "their sin as truth", and determined the popular faith as a religious ideal, Leskov called the Russian people heretic and associated his moral consciousness with the need for knowledge of God. If the national ideal seemed to Dostoevsky as the basis on which it is possible to unite the whole nation, then Leskov, on the contrary, was far from looking for the embodiment of the highest moral and religious values in national life.

In addition, differences in the attitude to official Orthodoxy and the Orthodox Church became a serious basis for the ideological, and later personal differences between Dostoevsky and Leskov. But while for the author of The Brothers Karamazov, church traditions and the religious-mystical meaning of the "Russian faith" always had a determining meaning, then Leskov ultimately came to sermon of non-confessional Christianity and the idea of personal righteousness.

The article proves that ideological differences in the interpretation of the nationality were the main reason not only for the lack of dialogue between writers, but also for the mutual rejection of each other's work.

Key words: F.M. Dostoevsky, N.S. Leskov, Russian literature, ethnicity, national ideal, the writer's outlook.

Во второй половине XIX в. проблема народности была предметом острых идеологических и эстетических дискуссий, став центральной в русской художественной литературе, критике и публицистике. Активное

участие в обсуждении проблемы народности принимали Ф.М. Достоевский и Н.С. Лесков, которых объединял интерес к тайне русского характера, к жизни русского народа, к постижению народного идеала.

Сопоставление их творчества позволяет выявить общие тенденции литературной эпохи. Однако представляется необходимым не только обозначить их точки соприкосновения, но и определить точки отталкивания.

Как отметил Л.А. Анненский, «общего языка нет, хотя оба писателя решают одну задачу: оба пытаются применить нравственный абсолютизм к человеческим ценностям и человеческие ценности к реальной жизни». «Фигурально говоря, оба строят один замок, но тот (Достоевский – М.Ч.) – с воздуха, а этот (Лесков – М.Ч.) – с земли. Из небесной бездны земная глубь не различается: связи почти нет; возникает не связь, а аннигиляция...» [Annenskiy 1988:304].

По поводу романа «Соборяне» и повести «Запечатленный ангел». Достоевский выступил с полемической статьей «Ряженный» На первый взгляд, Достоевского привлекли сюжетные несуразицы и нелепости произведений Лескова, связанные с попытками автора логически объяснить чудесные явления, которые он изобразил и в романе, и в «святочном рассказе».

«Это повесть, – писал о «Запечатленном ангеле» Достоевский, – о том, как раскольники, человек сто пятьдесят, целою артелью перешли в православие вследствие чуда <...>. Очень занимательно рассказано» [Dostoyevskiy 1972-1989: 21, 58]. И тут же он задал иронический вопрос: «к чему ж тут радоваться, чуду распечатления или соскользнувшей бумажке?». Заодно он вспомнил конец дьякона Ахиллы, описанный Лесковым в «Соборянах»: «Поимка черта <...>, чтобы мотивировать смерть от простуды» [Dostoyevskiy 1972-1989: 21, 57]. Тем самым развернулась полемика по поводу совсем не «чудного», а философского вопроса о народной вере.

Лесков, не раз сталкивавшийся с явлениями суеверия, сектантства, обрядоверия в русской народной жизни. Он, хорошо знавший религиозные легенды и духовные стихи, созданные в народной среде, понимал, что в реальной, бытовой жизни русский человек склонен

соблазняться мистическим и непонятным, верить от чуда. Достоевский же, напротив, «всецело втянутый в ситуацию «культуры», искал выхода в «безднах» и «пророчествах», в осознании чуда, тайны и авторитета» [Annenskiy 1988: 299] и допускал чудо только от веры. Именно это и разделило двух классиков.

Лесков часто выступал против создаваемых в общественном сознании мифов о народе-страдальце (Н.А. Некрасов), народе-бунтаре (Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов), народе-хранителе патриархальных ценностей (А.Н. Островский), народе-социалисте (А.И. Герцен). Оспаривал Лесков также и идею «народа-Богоносца» Достоевского, являвшуюся краеугольным камнем почвеннической программы писателя, сформулированной в Объявлении о подписке на его журнал «Время» (сентябрь 1860 г.).

Достоевский призвал интеллигенцию воспринять из рук народа свято хранимый «миллионами серых зипунов» идеал Христа и его заветы. Этот идеал представлялся Достоевскому той почвой, той «русской идеей», на основе которой только и возможно объединить всю нацию. Лесков же, напротив, был далек от того, чтобы искать в народной жизни воплощение высших нравственно-религиозных ценностей.

В отличие от Достоевского в начале 1860-х гг. он был склонен видеть в народной жизни скорее темные, чем светлые и благообразные стороны, о чем свидетельствуют его произведения этой поры: «Разбойник» (1862), «Овцебык» (1863), «Язвительный» (1863), «Житие одной бабы» (1863), «Леди Макбет Мценского уезда» (1865).

В статье «Русские люди, стоящие не у дел» (1861) Лесков доказывал, что народ не выше действительности, ибо его жизнь определяется «реальностью бытия всего общества». Вот почему, считал Лесков, народ, «как Ноев ковчег», не может хранить «безупречную идеальную нравственность». «И в этом народе жила взятка, когда он мирскими сходами «по сердцам» сек бедного мужичонка и мирскими приговорами «за вино и посулы» освобождал от рекрутства «хозяйских детей» и сдавал в военную службу горемычных «бобылей - вдовых кормильцев» [Leskov 1874: 128].

Позже и Достоевский в статье «Влас» (1873) признает в русском человеке не только религиозность, но и «потребность отрицания», не только добросердечие, но и жестокость. «Это прежде всего забвение всякой мерки во всем <...>, это потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и – в частных случаях, но весьма нередких – броситься в нее как ошалелому вниз головой. Это потребность отрицания в человеке, иногда самом неотрицающем и благоговеющем, отрицания всего, самой главной святыни сердца своего, самого полного идеала своего, всей народной святости во всей ее полноте <...>», – с горечью писал Достоевский [Dostoyevskiy 1972-1989: 21,35].

Однако в воспоминаниях о мужике Марее (1876) Достоевский вернется к мысли, высказанной в 1861 г. о «сердечном знании Христа» в мировоззрении народном, отметив: «<...> Только Бог видел, каким глубоким и просвещенным человеческим чувством и какою тонкою, почти женственною нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, невежественного <...> русского мужика» [Dostoyevskiy 1972-1989: 22, 49].

Таким образом, у Достоевского понятие народности было религиозно обусловлено. Лесков же, трезвый реалист, знаток народной «дури», часто повторял, что «русский народ не христианин, а еретик» [Leskov 1874: 131]. Лесков пояснил, что в русском народе нет глубокого понимания религиозных догматов, но прочно живет потребность в богопознании и стремление уяснить себе истины вероучения. Поэтому «нужно содействовать народному развитию» и помогать народу «сделаться христианином, ибо он этого хочет и это ему полезно <...>» [Leskov 1874: 131].

Лесков, таким образом, поставил вопрос о необходимости религиозного образования народа, без которого невозможно дальнейшее развитие его нравственного и общественного сознания. И это был вопрос, освещавший почвенничество Достоевского обратным светом.

Казалось бы, призывы к «религиозному образованию» народа должны были в конце концов идейно сблизить Лескова с Достоевским. Однако в 1870-е гг. их окончательно развило отношение к православной церкви. Для Достоевского, мечтавшего о «государстве с церковью во главе», этот

институт представлялся главным нравственным арбитром в личной и политической жизни. Лесков же пришел к выводу, что «церковь наша в настоящее время не отличается жизнедеятельностью. <...> В обществе нашем пали идеалы, и оно все более и более погружается в меркантилизм и становится глухо и немо ко всяким высшим вопросам» [Leskov 1874: 90].

Забытая дискуссия 1861 г. с Достоевским о народности вновь обретает актуальность. Но теперь спор идет не только о национальном характере, но и обуславливающей его национальной идее. Позиция Лескова в дискуссии с Достоевским о народности подробно рассмотрена в нашей статье «Н.С. Лесков. от проблемы «народности» к идее «праведничества» [Smolyakova 2007].

Достоевский считал, что «русский народ весь в православии – более у него ничего нет, да и не надо, потому что православие – все» [Dostoyevskiy 1972-1989:25, 20]. Лесков в статьях «О сводных браках и других немощах», «Об обращении и совращениях» и др. констатировал кризис официального православия и высказывал сомнения, что церковь может быть вождем нравственным. В статье «Герои и праведники» (1877) писатель назвал праведником того, кто совершал в обыденной жизни свои нравственные подвиги, не соотнося их с рамками канонизированной святости.

Идейные разногласия привели писателей к взаимной личной неприязни. Достоевский желчно и пренебрежительно назвал Лескова «специалистом и экспертом в православии», иронизировал над «невежественным» в вопросах религии и церковной истории автором «Соборян» и сомневался в подлинности его религиозных чувств. Лесков, в свою очередь, смеялся над идеей «соборности и общечеловечности», обвинял Достоевского в «мистическом народничестве» и незнании церковного быта и народной духовной культуры. А в заметках «О куфельном мужике» (1886) Лесков аттестовал Достоевского с его призывами «идите к мужику» носителем абстрактно-мистического взгляда на народную религиозность, который, по сути, народа не знает и не знает, зачем «к народу идти» [Leskov 1958: 11, 150-151].

Исследователи не раз ставили рядом имена Достоевского и Лескова как писателей религиозных. Но следует учитывать, что Достоевский всегда оставался православным воцерковленным человеком, для которого и

церковные традиции, и религиозно-мистический смысл «русской веры» имели определяющий смысл. По Лескову, русская православная церковь превратилась в фальсификатора заповедей Того, Кого писатель именовал «повешенным на кресте праведником» [Leskov 1958: 2, 529]. Поэтому заслуживают обличения ее «тысячи пошлостей и подлостей».

Лесков, который, начиная с 1860-х гг. и до последних дней так много писал о религиозной жизни русского народа, хорошо знал мир старообрядцев и сектантов, сам искал «истинную веру». Но к 1880-м гг. он фактически отвернулся от православия («у нас византизм, а не христианство») и пришел к проповеди внеконфессионального христианства («Мелочи архиерейской жизни», «Синодальные персоны», «Полунощники»). Лесков все более убеждал себя в том, что народ стремится приложить евангельское учение к практической жизни, все более приближаясь к идеям Л.Н. Толстого.

REFERENCES:

1. Annenskiy, L. A. (1988) Neslomlennyy. Povest' o Leskove / Tri yeretika. Moscow, pp.229–351.
2. Dostoyevskiy, F.M. (1972-1989). Poln. sobr. soch.: V 30 t. Leningrad.
3. Leskov, N. S. (1874). Ocherki iz istorii Tambovskogo kraya. Grazhdanin, vol. 4, 26 yanvarya.
4. Leskov, N. S. (1958). Sobr. Soch.: V 11 t. Moscow.
5. Smolyakova, M. S. (2007). N. S. Leskov. Ot problemy «narodnosti» k ideye «pravednichestva». Vesnik MDU imya A.A. Kulyashova, vol. 2–3 (27), pp. 121–125.

Шарапова А.

Національний інститут адукації (Республіка Білорусь)

Sharapava A.

Institution National Institute of Education (Republic of Belarus)

**АЎТАБІЯГРАФІЧНЫЯ ТВОРЫ АЛЕНА ВАСІЛЕВІЧ “ПАЧАКАЙ,
ЗАТРЫМАЙСЯ...” І ІВАНА НАВУМЕНКІ “ДЗЯЦІНСТВА.
ПАДЛЁТАК. ЮНАЦТВА”: АСАБЛІВАСЦІ СТВАРЭННЯ СЭНСУ
І СТРУКТУРЫ**